

Если проблема экономической актуальности герильеризма Че уже практически решена с возникновением тенденций альтер-капитализма, то проблема политической актуальности его партизанской философии остро встанет в момент очередного кризиса капитализма. Альтер-капитализм существует сейчас как альтернативные, «теневые», «антиобщественные» и «подрывные» тенденции, как альтер-эго господствующего глэм-капитализма. Но он сможет быстро разрастись и институционализироваться в ситуации совпадения во времени очередного циклического кризиса перепроизводства, кризиса социальной и политической лояльности новых поколений маргинальных буржуа и кризиса политического управления и контроля. Ближайшее время, когда такая комбинация кризисных тенденций может возникнуть – это вторая половина второго десятилетия XXI века. Условно говоря, назревает проблема 2017 года. К 2017 году, юбилейному для революционной волны, начавшейся в России и прошедшей через Германию и Венгрию, нынешние тренды в «низах», «верхах» и в экономике могут привести к тому, что вместе сойдутся экономический, политический и культурный кризисы, вполне предсказуемые по срокам, но неожиданные по своей болезненности.

Проблема «двадцать-семнадцать» – это проблема возникновения новой революционной ситуации, в которой могут оказаться сразу несколько стран с растущими экономиками и остановившимися в развитии политическими режимами. Весьма вероятная революционная волна в период 2015-2020 годов актуализирует некоторые из идей Че и безусловно приведет к общему оживлению интереса к нему и его опыту революционера.

Проблема «двадцать-семнадцать» складывается из трех главных кризисов:

- 1) кризис перепроизводства гламура в начале понижательной волны 5-го Кондратьевского цикла;
- 2) кризис средств легитимации режима в клиентском обществе;
- 3) кризис массовой культуры, созданной поколением бэби-бумеров.

Кризисы перепроизводства в мировой экономике регулярно происходят каждые 8-10 лет. Например, в 2000 году был кризис перепроизводства ожиданий, когда лопнул «пузырь» на казавшемся столь многообещающим рынке акций «доткомов», то есть Интернет-компаний, инвесторы которых так и не дождались не только прибылей, но даже внятной бизнес-модели. В 2008 году был кризис перепроизводства доверия, когда лопнул «пузырь» на рынке деривативов – бумаг, ценность которых создавалась инвесторами, доверявшими надежности американского механизма ипотечных кредитов, безответственно раздававшихся в гигантских масштабах как раз в расчете на последующие доходы от выпуска деривативов. Нетрудно рассчитать, что очередной цикл «кризис – депрессия – оживление – бум – кризис» подойдет к фазе лопнувшего «пузыря» как раз в 2016-2017 годах. После кризиса ожиданий и кризиса доверия следующим может стать кризис желаний.

Капитализм начала XXI века – это глэм-капитализм, и «большая пятерка» и «горячая десятка» гламура в нынешнем обществе потребления воплощают абсолютный объект желаний и обладают максимальным стоимостным потенциалом. Поэтому не выглядит парадоксом то, что даже в непростых для мировой экономики условиях последних 2-3 лет глэм-индустрии роскоши, гостеприимства, развлечений «для взрослых», моды, красоты, а также коммуникационных гаджетов и сетевых ресурсов растут в среднем быстрее, чем традиционные отрасли. Опережающие темпы роста гламуроемких производств стимулируют инвестиционный бум, который в ближайшие годы будет как раз в тех бизнесах, индустриях, кластерах и регионах, где обеспечат наиболее эффективную имплантацию гламура в товары, организационные структуры и финансовые инструменты. Там же и начнется кризис перепроизводства, который повлечет за собой банкротства, массовые увольнения, невыплаты по кредитам, резкое падение уровня потребления, воспринимаемое увольняемыми работниками гламурно-промышленного комплекса как «*обострение нужды выше обычного*». Реальное же обострение нужды ощутят те, кто работает в «сырьевом секторе» глэм-капитализма, а сырьем для создания трендов служат бренды, без перепроизводства которых невозможно начать конкурентную гонку за трендовой составляющей добавленной стоимости. В свою очередь сырьем для брендов служат продукты, которые являются лишь «полуфабрикатами» собственно товаров, чья стоимость

зависит от тех образов и символических благ, что создаются специалистами по брендингу, рекламе и PR. И внизу этой «пищевой пирамиды» глэм-капитализма оказываются те производители энергоносителей, материалов, сельскохозяйственных продуктов, которые не позаботились о создании на базе своих производств сильных брендов и уж тем более трендов.

Перепроизводство гламура по-разному скажется на странах – производителях брендов и трендов (таких как США и Западная Европа), странах – поставщиках промышленной продукции (таких как Китай), служащей источником «полуфабрикатов» для гламуроемких производств, и странах – поставщиках сырья (таких как Россия). В глобальной экономике «гибель» в США или Европе одной «акулы» глэм-капитализма – банкротство транснационального держателя ультрамодных брендов приведет к массовому «вымиранию» офисного и фабричного «планктона» в Китае, Индии и, разумеется, в России, где начнутся остановки производств и увольнения работников в промышленном и сырьевом секторах.

Кризис перепроизводства к 2017 году будет более тяжелым, чем кризисы предыдущих тридцати лет. К такому прогнозу подталкивает статистика последних десятилетий, которая показывает, что относительно благополучное развитие мировой экономики в 1990-х и 2000-х пришлось на фазу высокой конъюнктуры, которую теперь сменяет фаза понижения примерно на 20-25 лет. Характерные для капиталистической экономики большие циклы конъюнктуры длиной примерно в 50 лет открыл еще в 1920-х годах Николай Кондратьев, чьим именем такие циклы и названы.¹⁰ В первой фазе цикла экономическая конъюнктура высокая: цены (а значит спрос) на инвестиционные товары, сырье, рабочую силу растут, темпы экономического роста выше средних значений, кризисы перепроизводства неглубокие и периоды депрессии после них короткие. Вторая фаза цикла – это так называемая понижательная волна конъюнктуры: спрос относительно слабый, темпы роста ниже средних, а циклические спады производства глубже и периоды депрессии длиннее.

По поводу болезненного, но терпимого кризиса 2008 года экономисты продолжают спорить, был ли он последним кризисом в первой фазе или первым кризисом во второй фазе Кондратьевского цикла.¹¹ Так что относительно грядущего кризиса можно быть вполне уверенными: произойдет то самое «обострение нужды выше обычного», которое мобилизует массы на участие в акциях протеста. В США и Западной Европе высокий уровень жизни и развитость процедур обновления политических элит не позволят падению потребления и росту оппозиционных настроений достичь взрывоопасных уровней революционного движения. А вот в странах, интегрированных в глэм-капитализм в роли поставщиков «полуфабрикатов» и сырья гламуроемких производств ситуация окажется более сложной.

Китай окажется в ситуации конца «экономического чуда» – экстраординарных темпов роста производства, позволявших в течение тридцати пяти лет поднимать уровень жизни той части населения, которая вовлечена в экспортно-ориентированные производства. Главный ресурс китайского промышленного роста – резерв сельского населения, готового работать в тяжелых условиях за небольшую зарплату, практически исчерпан. Сталкиваясь с растущими ожиданиями и притязаниями населения, китайское руководство будет менять модель экономического развития, переориентируя производство на внутреннее потребление. В результате возникнет парадоксальная ситуация: повышение общего уровня жизни на фоне падения темпов экономического роста будет сопровождаться ростом оппозиционных настроений. Увеличение неравенства в обществе, обострение экологических проблем и проблем землепользования, коррумпированность предпринимателей и чиновников будут вызывать недовольство не столько бедных, сколько ожидающих большего жителей китайских городов. Тем самым, Китай войдет в ту фазу перехода от традиционного общества к обществу модернизированному, в которой советский госкапитализм был в 1970-х годах накануне перестройки и разрушения социалистической надстройки.

К 2017 году Россия столкнется со стагфляцией – стагнацией экономики, вызванной падением цен на нефть и другое сырье, и инфляцией, вызванной наращиванием денежной массы ради поддержания уровня потребления клиентских групп населения. Кризис перепроизводства гламура в зависимой от конъюнктуры на рынках сырья России быстро перерастет в бюджетный кризис, и тогда специально организовывать акции протеста не придется – желающих окажется

---

¹⁰ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.

¹¹ Korotaev A., Tsyrel S. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis // Structure and Dynamics. 2010, 4(1).

более чем достаточно в самых разных социальных слоях и группах. Тогда профессиональным оппозиционерам, у которых годами не получалось возглавить реальную борьбу с режимом, не нужно будет изыскивать скандальные случаи нарушения гражданских прав как поводы для протеста, а нужно будет просто воспользоваться неожиданно представившейся возможностью оседлать протестное движение и въехать на арену борьбы за власть, хотя бы на время. Обрушение экономической конъюнктуры вызывает наибольшую активизацию революционных настроений в экономиках, напрямую зависящих от цен на экспортируемое сырье. О важной роли в складывании революционных ситуаций циклов экономической конъюнктуры, открытых Кондратьевым, можно судить по таким историческим фактам: революция 1917 года в России произошла в начале понижательной волны III Кондратьевского цикла, кризис социалистической системы в Восточной Европе в 1989 году и распад СССР в 1991 году – в конце понижательной волны IV Кондратьевского цикла.

(2) В современном обществе, где нет больше веры в священное право на власть монархов – помазанников Божиих или в привилегии аристократии как благородного сословия, легитимность власти должна периодически подтверждаться демократическими выборами. Когда уровень жизни высок, незаинтересованность основной массы избирателей в политике создает благоприятные условия для поддержания режима глэм-демократии. Но в условиях экономического кризиса средства легитимации, традиционно применяемые, когда избирателей нужно привлекать и развлекать, перестают быть эффективными, и проведение избирательных кампаний создает риск неуправляемого политической элитой волеизъявления масс, требующих немедленного решения их проблем и с готовностью идущих за лидерами радикальных движений, обещающих простые и быстрые решения.

Если в США и Западной Европе кризис глэм-демократии не будет острым, и возможны лишь радикальные движения локального масштаба, то в Китае и России авторитарные разновидности глэм-демократии могут испытать серьезные потрясения. В Китае проблема 2017 может быть ослаблена путем очередного перераспределения полномочий и обновления правящей элиты на съезде компартии, и разрешение кризиса легитимности социалистической надстройки над глэм-капиталистическим базисом будет оттянуто на 5-7 лет. А в России кризис старых средств легитимации режима придется на период проведения парламентской и президентской избирательных кампаний, когда привычные шаблоны привлечения и развлечения электората нужно будет применять в отношении активизировавшихся социальных групп, невосприимчивых к риторике и имиджам давно правящей элиты.

За годы правления Владимира Путина «укрепление вертикали власти» привело к созданию плебисцитарной империи, в которой народное волеизъявление сохраняется лишь как своего рода неизбежное зло и для государственной бюрократии и для инертной массы электората. Снижена частота и сужена сфера применения выборов как средства легитимации власти, волеизъявление сделано управляемым, то есть плохо поддающийся управлению плюрализм сведен к заведомо предсказуемому выбору из двух вариантов: «согласен» и «не согласен». В 2000, 2004, 2008, 2012 годах президентские выборы проходили на благоприятном фоне экономической стабильности. Поэтому в ходе голосования без серьезных проблем воспроизводилась типично имперская структура, где есть «центр» – устойчивое большинство согласных с «укреплением вертикали власти» и есть «периферия» – беспокойное, но, в общем, зависимое и контролируемое меньшинство несогласных, занятых безнадежным собиранием «горизонтальной гражданской общины». Но по злой иронии истории, подшутившей над авторами поправок в Конституции РФ, удлинившими сроки мандата парламентариев и президента страны, соответственно, до 5 и 6 лет, следующие избирательные кампании должны проводиться как раз в кризисный период 2016-18 годов.

В ситуации низкой экономической конъюнктуры российская правящая элита – суверенная бюрократия, выросшая и укрепившая свою легитимность в первое десятилетие XXI века за счет нефтедолларов, неизбежно обнаружит свою слабость. До сих пор ей удавалось преуспевать и быть сверхновыми «хозяевами жизни», соединяя имперские традиции (от византизма до большевизма) с политехнологиями, заимствованными у западной глэм-демократии, где яркий образ политика гораздо важнее реальной деятельности. Гламурные прожекты «русского консерватизма» от Бориса Грызлова и столь же гламурные прожекты модернизации и «умной экономики» от Дмитрия Медведева сейчас могут без проблем сочетаться в имиджмейкинге правящей элиты, поскольку консерватизм и модернизация в исполнении «Единой России» – это не два курса, в реальности исключают друг друга, а две стилистики в подаче одного и того же имиджа. Весь этот глэм – лишь следование образцу, задаваемому имиджмейкерами, создающими образ правления Владимира Путина. Фигура самого гламурного российского политика Владимира Путина вылеплена с максимальным применением «большой пятерки» и «горячей десятки». Он и

породил политическую моду на ношение брендовых наручных часов российскими государственными деятелями, и обездвигивал тигров, и стал секс-символом, и любит появляться в ярком комбинезоне пилота или в яркой «Ладе-Калине», и может продемонстрировать тренированный торс, и выйти на одну сцену со «звездами» хит-парадов и номинаций. Он же развил излюбленный жанр деятельности суверенной бюрократии – суперпроекты «для народа». Суперпроекты создают ту густую пелену медийно-административного гламура, сквозь которую народ и правящая элита видят друг друга в розовом свете. В мире гламура для бедных расходование колоссальных бюджетных сумм на проведение зимней олимпиады и мирового чемпионата по футболу предстает «национальной идеей», кремниевая опричнина Сколково – «модернизационным кластером», а проектно-откатная логика жизни суверенной бюрократии – «русским консерватизмом».

Политический гламур, обволакивающий через СМИ российское общество, позволяет глэм-бюрократии быть вполне самодостаточным сообществом. С населением суверенные бюрократы приходят в соприкосновение только, когда результатом их бюджетно-откатной деятельности оказывается коррупция с человеческими жертвами. События в Кондопоге в 2006 году, в Пикалево в 2009, в Хотьково и на Манежной площади в Москве в 2010 показали, что когда политика имиджей и презентаций развивается в мире, параллельном острым нуждам и жизненным интересам людей, сама собой возникает другая политика – массовые акции неповиновения и прямого насилия. Вот эта другая политика, которая игнорирует так виртуозно выстроенную легитимность режима, пока регулярно практикуется лишь разнообразными альтер-социальными движениями от футбольных фанатов и скинхэдов до «кавказцев» и антифа. Но когда экономический кризис и вынужденная избирательная кампания сойдутся в одном году, политический трэш станет серьезным вызовом политическому гламуру и спровоцирует конфликт между консервативной и модернизационной фракциями правящей элиты, которые разойдутся в методах решения возникших проблем.

К 2017 году «верхи» не смогут править по-старому, то есть, красуясь на телеэкранах в окружении то отборных «звезд» шоу-бизнеса, то тщательно отобранных «людей из народа», демонстрирующих свою безграничную любовь и поддержку. Глэм-бюрократия может доминировать только в выстроенном вокруг «вертикали власти» клиентском обществе, где потребление и коммуникации стали заменителями собственно общественной жизни. Но в ситуации вызванного экономическим кризисом снижения доходов сырьевого сектора и нарастания дефицита бюджета массы традиционных клиентов вроде пенсионеров и многодетных родителей больше не удастся охватить заботой в виде национальных проектов. К тому же, увеличится число людей, которые вообще не охвачены такими проектами и вовсе не захвачены масс-медийным гламуром. Тогда «верхи» глэм-бюрократии столкнутся с уже неуправляемыми «низами», в протесте которых соединятся недовольство падением уровня жизни и уход из-под контроля сложившейся еще в прошлом веке массовой культуры.

(3) В современном обществе культура – это ценности, то есть стоящие затрачиваемых сил, а то и самой жизни, идеи, плюс способы их трансляции, то есть средства коммуникации. Ныне господствующая и непрерывно критикуемая массовая культура, сводимая к потреблению и коммуникации, сформировалась при жизни одного поколения. Это поколение бэби-бумеров (от англ. baby boom), которое было открыто как социокультурный феномен американскими демографами, социологами и маркетологами в 1960-х годах. Тогда выросли дети послевоенного десятилетия высокой рождаемости и экономического процветания. Это поколение оказалось носителем новой по сравнению с целой чередой предшествующих поколений культуры. Бэби-бумеры создали культуру поклонения гуманистическим идеям и литературе, но подчинения брендам и телевидению.

Кризис системы ценностей и системы коммуникаций, отвечающих стремлениям и привычкам поколения, родившихся в середине 40-х – начале 60-х годов прошлого века, выразится в невозможности контролировать и социализировать новые поколения, чьи жизненные стратегии и каналы коммуникаций неподконтрольны политической элите, действующей через традиционную массовую культуру. В США и Западной Европе кризис может принять форму культурной травмы от столкновения общества с контркультурами альтер-социальных движений. В Китае социально-политические последствия кризиса культуры бэби-бумеров окажутся невелики из-за того, что аналогичный западному культурный разрыв между поколениями начал возникать двумя десятилетиями позже из-за относительно низкого уровня образования и степени проникновения новых информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь основной массы населения до конца 1990-х годов. В России же социальные и политические последствия кризиса культуры бэби-бумеров могут стать наиболее серьезными, поскольку уход

новых поколений из-под культурного контроля, построенного на силе государственного образования и государственных же масс-медиа, здесь будет наиболее радикальным.

Российские бэби-бумеры несколько отличаются от американских по своим ценностным ориентациям. В Америке бэби-бумеры характеризуются идеализмом, у нас – прагматизмом, который так помогал наиболее преуспевшим из них строить карьеру и дом – полную чашу в конце советской эпохи. К 2017 году многочисленное поколение бэби-бумеров, родившихся в середине 40-х – начале 60-х, практически в полном составе войдет в пенсионный возраст, но вряд ли его представители полностью оставят руководящие посты в экономике, государстве, масс-медиа. Их ухода будут нетерпеливо дожидаться, а в некоторых случаях настойчиво добиваться лидеры следующего поколения, названного аналитиками 'Generation X'. Это поколение родившихся в середине 60-х – конце 70-х взрослело в 80-х – 90-х, а в 2000-х в большинстве своем стало прагматичными гедонистами и периодически отрывающимися от телевизора Интернет-пользователями. Воспроизводимая благополучно осевшими на руководящих постах и «забронзовевшими» представителями старшего и среднего поколения культура окажется чуждой новым поколениям.

К этому времени полностью повзрослеет поколение родившихся в 1980-х – начале 1990-х. Самым амбициозным из этого 'Generation Y' будет уже под тридцать и за тридцать, а по-настоящему самоутвердиться им будет позволено только в сетях публичности, больше известных ныне под названием «социальные сети» (хотя социальность их более чем сомнительна). Сейчас в России сформировалось общество со множеством мобильных, но без социальной мобильности, то есть без нормально функционирующей системы продвижения к высоким статусным позициям. Новое поколение не предано ценностям, на которых строится система статусов «бумеров» и «иксов». Поэтому продвижение «игреков», которых можно назвать в силу их ценностных ориентаций активистами, но которые ценят работу лишь как «точку доступа» к ресурсам и коммуникациям и хотят признания лишь в своем кругу («племени»), в этой системе будет тормозиться даже без всякого злого умысла. Их идеи и действия «бумеры» и «иксы» попросту не будут понимать и потому не будут ценить. А уже на подходе следующее поколение, ценностные ориентации которого только начнут оформляться к 2017 году, но в любом случае будут отличаться от ценностей поколений «бумеров» и «иксов».

Новые поколения отличаются от старших по своим ценностным ориентациям, а с точки зрения коммуникаций они и вовсе «инопланетяне». Уже сейчас невозможно через газеты и телевидение эффективно воздействовать на умонастроения и поведение «игреков». Согласно данным опроса, проведенного в начале 2012 года Фондом «Общественное мнение», телевидение признают своим источником информации 96%, а Интернет-форумы и блоги – 2% респондентов в возрасте от 46 до 60 лет, тогда как среди респондентов в возрасте от 18 до 30 телевидение упоминают 81%, а Интернет-форумы и блоги – 21%.

Межпоколенческий разрыв в коммуникационных паттернах также становится очевидным, если сопоставить доли различных поколений в общей структуре населения и в структуре сообщества пользователей социальных сетей. В самой популярной российской сети «В контакте» (vk.com) наиболее активно поколение «игреков». В этой сети число зарегистрированных аккаунтов, в которых возраст пользователя указан в диапазоне от 18 до 32 лет даже превышает реальное число людей такого возраста в населении страны. Это парадоксальное превышение объясняется как тем, что эта сеть привлекает пользователей из других стран бывшего СССР, так и тем, что представители поколения «игреков» практикует создание множественных идентичностей и коммуникации от лица виртуальных «Я». Еще более разительным будет культурный разрыв между поколениями к 2017 году, когда полностью сформируются ценностные ориентации и способы коммуникации следующего за «игреками» поколения – молодых людей, родившихся в период с 1995 по 2010 год.

Численность различных поколений в населении России и в сообществе пользователей сети «В контакте»

Поколение	Число аккаунтов в социальной сети vk.com (данные на июнь 2012 г.)	Численность возрастной группы в населении РФ (по данным переписи 2010 г.)
Бэби-бумеры (1946-62)	2 775 905	33 910 510
Поколение 'X' (1963-79)	12 926 474	34 123 872
Поколение 'Y' (1980-94)	4 805 191	33 450 525
Поколение 'Z' (1995-2010)	23 346 548	23 125 787

Молодежь уже сейчас избегает традиционных средств и способов коммуникации и формирования социальных групп, а к 2017 году можно ожидать настоящую культурную революцию, связанную с переходом Интернета к версии Web 3.0. В конце 1980-х возник Интернет первого поколения (Web 1.0), который предоставлял пользователям возможность доступа к ресурсам, созданным профессионалами в программировании и веб-дизайне. Через десятилетие появились Интернет-ресурсы второго поколения (Web 2.0), которые дают возможность неквалифицированным пользователям – юзерам самим создавать контент и заполнять эти контентом предоставляемые профессионалами сайты-платформы, что и привело к интенсивному развитию так называемых социальных сетей. И когда появится Интернет третьего поколения (Web 3.0), где пользователи смогут сами, минуя серверы, централизирующие сети, создавать платформы для размещения контента и предоставлять доступ только «своим», сформируется неподконтрольная масскульту контр-культура. И заодно морально устареют переживающие сейчас бум централизованные и потому достаточно легко блокируемые, а в России еще и не застрахованные от рейдерских захватов сети вроде ресурса vk.com.

Кризис массовой культуры, созданной бэби-бумерами, будет обусловлен еще и кризисом образования как средства социальной мобильности. В новых поколениях будет гораздо больше образованных или просто информированных людей. К 2017 году высшее образование (правда не высшего качества) будет у 30-32% трудоспособного населения (в Москве и Санкт-Петербурге у 45-50%). То есть, этот показатель удвоится по сравнению с началом века. Английский язык будет знаком хотя бы на уровне школы 10-12 миллионам человек, что будет примерно в полтора раза выше показателя начала века. Компьютеры будут в 45-50% домохозяйств, то есть степень компьютеризации вырастет в четыре-пять раз по сравнению с первыми годами столетия. Но при этом «культурный капитал» становится «второй грамотностью», то есть элементарными навыками, которые не дают гарантий успешной карьеры и достатка, как это было еще лет двадцать-тридцать назад. «Культурный капитал» больше не гарантирует и усвоения гуманистических идей, толерантности и уважения социальных норм. Они не оправдывают ожиданий тех многочисленных формально представителей среднего слоя, которые фактически оказываются «низами». Вот эти «низы» к 2017 году, прямо таки по ленинской формуле, и не захотят жить по-старому.

К 2017 году молодежь из средних слоев, недовольная своим формально благополучным, а на деле приниженным положением в обществе, образует те сверхновые «низы», которые будут энергично не хотеть жить по-старому. В этой ситуации «верхи» будут не в состоянии управлять по-старому, поскольку их способы воздействия – вспомоществование клиентским группам и политический гламур, транслируемый через традиционные СМИ, не эффективны в случае недовольных молодых людей, оперирующих новыми коммуникационными технологиями. Таких людей к этому моменту в стране будет гораздо больше, чем футбольных фанатов и русских националистов в декабре 2010 года на Манежной площади или недовольных результатами выборов в декабре 2011 года на Болотной площади в Москве. И их недовольство экономикой, политикой, культурой будет гораздо интенсивнее и устойчивее вспышек недовольства футбольных фанатов бездействием правоохранительных органов, недовольства русских националистов миграционной политикой или недовольства избирателей нарушениями при подсчете голосов. А практикуемые недовольными молодыми людьми способы использования средств коммуникации для мобилизации участников партизанских акций, координации действий и организации отхода в «каменные джунгли» окажутся неприятным сюрпризом для правоохранителей, застрявших в «информационной культуре» прошлых поколений.

Таким образом, около 2017 года сложится революционная ситуация, включающая экономический, политический и культурный кризисы глэм-капитализма. И там, где структуры глэм-капитализма, трансформирующегося в альтер-капитализм, будут входить в противоречие с периферийными и отсталыми структурами индустриального госкапитализма, ситуация будет максимально острой. Острота конфликта будет примерно такой же, какой была в 1950-х годах на Кубе, где столкнулись возникающие постиндустриальные и господствовавшие тогда раннеиндустриальные структуры. Структурные противоречия являются необходимыми условиями, но согласно классической формуле «3+1», революционная ситуация перерастет в революцию, только если революционный класс будет способен на активные действия, мобилирующие массы на протест против существующего режима. Сейчас в конфликте институциональностью, прошедшей через виртуализацию и вошедшей в режим гламура, оказываются столь же виртуальные партизаны – многочисленные ультрасовременные буржуа, которые время от времени вживаются в образ революционного действия и при этом интенсивно применяют сверхновые коммуникационные технологии.

Альтер-социальным движениям не пригодятся коммунистическая идеология и устаревшая техника вооруженной борьбы из теории Че Гевары. Они отходят от тех способов борьбы, которые возникли в прошлом веке и противостоять которым традиционно готовятся правящие элиты и подчиненные им силовые структуры. Есть две основные стратегии борьбы с институциональностью, выработанные в XX веке: 1) вооруженная борьба (на этом пути к освобождению настаивал и Че Гевара), 2) пассивное, ненасильственное сопротивление, которое проповедовал Махатма Ганди. Но в борьбе с виртуальной институциональностью маргинальные буржуа начала XXI века выработали еще одну стратегию: *невооруженной насиллие*. Именно эту стратегию неоднократно применяли лидеры и активисты протестных движений в ходе цветных и цветочных квази-революций. Но если их усилия завершаются со сменой правящей элиты, то действительная революция начинается и продолжается созданием контринституциональности альтер-социальными движениями, для которых актуально не следование букве теории партизанской войны Че Гевары, но духу его партизанской философии.

И понимание этой же философии может способствовать решению проблемы 2017: при капитализме от революции невозможно избавиться, но с нею можно уживаться. Чем больше революционных движений в экономике, тем меньше их в политике. Чтобы направить революционность капитализма в более позитивное русло, сейчас нужно дать выход альтер-социальным движениям в экономике. Если в ближайшем будущем производственные отношения будут строиться с учетом формулы *«бизнес – это революционное движение»* / *«созидательное разрушение»* по Шумпетеру или формулы *«экономика – это продолжение партизанской войны иными средствами»* (Че Гевара), то маргинальным буржуа для достижения их целей могут не понадобиться формула *«революция – это бизнес-проект»* (в стиле идеолога цветных переворотов Джина Шарпа)¹² и формула *«партизанская война – это борьба вооруженного ядра»* (в стиле Че Гевары).

С проблемой 2017 не смогут справиться только те социально аутичные и склеротичные режимы, чьи засидевшиеся во власти лидеры не замечают, что после периода расцвета и беззаботности для глэм-капитализма и глэм-демократии наступает время Че – время альтер-капитализма, то есть время меняться.

---

¹² *Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework of liberation. Boston: Albert Einstein Institution, 2010.*